

2. Кульшанова А.А. Особенности видовой классификации комплекса делопроизводственной документации государственных органов КАССР (20- годы XX века). Теоретические аспекты // Материалы международной научной конференции «Бекмахановские чтения-2004». Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2004. 288 с.

3. Материалы «круглых столов» и семинаров. Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 1996. 158 с.

© Калыбекова М.Ч., 2014. Текст.

Информация об авторе

Калыбекова Манара Чальтеновна (г. Алматы, Казахстан) – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории и культуры Казахстана Института магистратуры и докторантуры PhD КазНПУ им.Абая (050060, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Абая 202/41; e-mail: k.manara@mail.ru).

Kalybekova M.Ch.

HISTORICAL RECORDS OF THE TOTAL NUMBERS, STRUCTURE, LOCATION OF THE SPECIAL CONTINGENT IN THE KAZAKH SSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. *In article some questions of classification and the characteristic of sources on studying of history of special squads in Kazakh by the Soviet Socialist Republic in days of the Great Patriotic War as office work documentation forms difficult system of historical sources are taken up. Scientific reconsideration of the historical past is impossible without concrete source study analysis both already known, and sources again introduced into scientific circulation. Therefore this article gives the chance in a new way methodologically and theoretically to comprehend to rethink and give an assessment of events of the studied period.*

Keywords: Special contingent, the Great Patriotic War, historical documents, classification, Karlag NKVD, prisoners of war and internees, labor settlers.

Information about the author

Kalybekova Manara Chaltenovna (Almaty, Kazakhstan) – Candidate of Historical Sciences, Associated Professor at the Chair for History and Culture of Kazakhstan Institute of Masters and Doctoral PhD KazNPU Abai, PhD in History (202/41, Abay ave., Almaty, 050060, Kazakhstan; e-mail: k.manara@mail.ru)

УДК 314.011(470.5)

Корнилов Г.Е.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР В УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1920–1930-Е ГОДЫ

Аннотация: *В статье на основе материалов переписей населения СССР 1926 и 1939 гг. проанализированы процессы трансформации демографических структур в уральской деревне. Изменения произошли не только в численности сельского населения региона, но и половозрастной, брачной и семейной структурах, повлиявших на воспроизводство населения. Выявлены факторы, вызвавшие изменения. Несмотря на подавляющее количество сельских семей на Урале, в промышленно развитых областях зафиксирован переход к малодетности.*

Ключевые слова: сельское население, демографические структуры, половозрастной состав, брачная структура, семейная структура.

Возрастно-половая, брачная и семейная структуры имеют непосредственное отношение к воспроизводству населения. В статье на основе анализа переписей населения 1926 и 1939 гг. исследуются изменения в демографических структурах сельского населения. В региональной историографии имеются исследования демографических процессов только в городском населении Урала [14, р. 477–504; 3; 4, с. 47–51; 5, с. 33–37; 6, с. 257–262; 12, с. 26–29; 13, с. 116–121].

В межпереписной период произошли значительные изменения в составе населения Урала. В регионе они носили такой же характер, что и в целом по стране, однако в то же время они имели отличительные особенности, вызванные спецификой экономического, демографического, социального развития. Достаточно отметить, что население Урала с 1926 по 1939 гг. увеличилось на 24,5 %, по СССР рост населения был выше и составил 29,7 %. Более высокий, чем по СССР и в среднем по Уралу, было увеличение численности населения в Свердловской области (53,4%, сравнение по сопоставимой территории в административных границах 1939 г.).

Форсированные темпы индустриализации определили экономическое развитие в Свердловской, Пермской и Челябинской областях. Здесь произошёл быстрый рост городского населения. Темпы его прироста были выше, чем по СССР. Если количество горожан в стране в межпереписной период увеличилось в 2,1 раза, то на Урале – 2,6 раза. Наиболее высокий росло произошел в Челябинской (в 3 раза) и в Свердловской (в 2,7 раза) областях.

Основным источником увеличения городского населения в регионе была миграция, она составляла в 1930-е годы более 80 % прироста [15; 7, с. 48–57; 9, с. 18]. Среди мигрантов преобладали местные сельские жители. В итоге индустриализации и коллективизации на Урале численность сельского населения в межпереписной период сократилась на 3,1 %.

При сокращении сельского населения половой состав, деформированный Первой мировой и Гражданской войнами, существенно не изменился: мужчины и в 1926 г., и в 1939 г. составляли 46,7 %, а женщины – 53,3 %. Количество мужчин среди сельского населения к 1939 г. сократилось с 1926 г. на 3,2 %, женщин – на 3,0 %. В то же время изменилось соотношение в трудоспособном и нетрудоспособном возрастах среди селян: по переписи 1926 г. удельный вес мужчин в возрасте 15–60 лет составлял 52,9 %, женщин (15–55 лет) – 53,1; по переписи 1939 г. их доля уменьшилась и составила среди мужчин 49 %, среди женщин – 49,4%¹⁴ (табл. 1).

В половой и возрастной структурах сельского населения Урала произошли существенные изменения, о чём свидетельствуют данные табл. 1. В переписной период увеличилась доля сельчан в возрасте до 15 лет: мужского пола с 40,3 до 44,7 %, женского – с 36,2% до 39,5%. Главной причиной роста было увеличение рождаемости, особенно в 1930-е годы (кроме голодных 1933 и 1936 гг.). Доля детей дошкольного возраста (до 8 лет) достигла в 1939 г. 22,1 % всего сельского населения Урала (в Башкирии – 25,1%), в том числе мальчиков – 23,9% (в Башкирии – 26,7, в Удмуртии – 24,1%), девочек – 20,9 (в Башкирии – 23,7).

¹⁴ Данные о группировке возрастов в переписях 1926 г. и 1939 г. не позволяют выделить границы трудоспособного возраста.

Таблица 1

Половозрастной состав сельского населения Урала, % [11; 1, с. 214, 215; 2, с. 32, 33, 160, 161, 330–332]

Возраст, лет	Уральская*	Пермская	Свердловская	Челябинская	Оренбургская		Башкирская		Удмуртская		Урал	
	1926	1939	1939	1926	1926	1939	1926	1939	1926	1939	1926	1939
0-14	39,0	40,2	41,7	44,2	42,4	45,2	42,7	48,5	39,7	43,6	40,3	44,7
	34,9	35,5	37,0	38,4	38,4	40,5	38,7	43,2	35,2	38,3	36,2	39,5
15-19	12,3	7,7	8,1	7,8	12,1	7,4	12,1	7,1	12,4	7,3	12,2	7,5
	11,6	6,7	7,3	6,9	12,1	6,9	12,4	6,9	11,8	6,8	11,9	6,9
20-29	15,9	14,9	16,5	16,0	16,6	15,6	15,7	13,6	15,5	15,1	15,9	15,6
	17,6	14,3	15,7	16,1	17,7	16,2	17,1	14,7	17,2	14,7	17,5	15,3
30-39	10,1	14,4	14,0	14,3	11,2	14,1	10,3	12,9	9,8	14,2	10,2	13,8
	11,5	14,2	14,1	14,4	11,9	13,9	11,5	12,4	11,8	14,0	11,6	13,6
40-49	8,7	8,1	7,7	7,0	8,3	8,0	8,4	7,1	8,5	7,3	8,6	7,4
	9,0	10,2	9,4	8,5	8,3	8,9	7,7	8,4	9,2	9,6	8,6	9,0
50-59	6,3	6,1	5,5	4,9	5,1	5,1	5,4	5,8	6,8	5,5	6,0	5,3
	7,1	8,5	7,4	7,0	6,1	6,7	6,0	6,5	7,3	7,9	6,8	7,2
60 и ст.	7,7	8,6	6,5	5,8	4,3	4,6	5,4	5,8	7,3	7,0	6,8	6,3
	8,3	10,6	9,1	8,7	5,5	6,9	6,6	7,9	7,5	8,7	7,4	8,5

* До 1934 г. Уральская область включала территории Пермской, Свердловской и Челябинской областей.

Заметно вырос среди сельского населения удельный вес мужчин в возрасте 30–39 лет – с 10,2 до 13,8 %, женщин с 11,6 до 13,6%. Во всех возрастных когортах доля сельских мужчин уменьшилась, кроме групп до 15 лет и 30–39 лет. Существенно сократился удельный вес мужчин в возрасте от 15 до 29 лет – с 28,1 до 22,5 %, женщин – с 29,4 до 22,2 %.

Рост промышленности и транспорта создавал потребности в привлечении новой рабочей силы. В то же время коллективизация сельского хозяйства, механизация сельскохозяйственного труда и постепенный рост энерговооружённости высвобождали большое количество крестьян, обеспечивали возможность перемещения трудовых ресурсов из сельского хозяйства в другие отрасли экономики. Рост миграции из села, несмотря на введение паспортной системы, был связан и с нежеланием трудиться и жить в колхозах. Разница в уровне жизни, в культуре и образовании населения между городом и деревней была существенной. В 1930-е гг. молодые крестьяне шли в город, чтобы получить специальность, образование, повысить квалификацию. Данные табл. 1 подтверждают этот вывод, показывают, что наиболее подвижны были сельские жители в возрасте 15–29 лет. Сельское население трудоспособного возраста мигрировало наиболее активно, это оказывало значительное влияние на изменение численности всего населения и более сильное – на трудовые ресурсы деревни. Во внутрирегиональном разрезе наибольшее сокращением произошло в областях с интенсивным промышленным развитием – Пермской, Свердловской и Челябинской.

Заметным изменением подверглись семейно-брачные отношения, семейные и брачные структуры. Среди сельского населения Урала существенно выросла доля людей, состоящих в браке (см. табл. 2). Если в 1926 г. в возрасте 15 лет и старше в

Башкирии приходилось 695 женатых мужчин (на 1000 мужчин соответствующего возраста), то в 1939 г. – 749, женщин – соответственно: 606 и 633; в Удмуртии – мужчин 722 и 733, женщин – 605 и 607; в Оренбуржье – мужчин 711 и 740, женщин – 609 и 640.

Из табл. 2 видно, что для мужчин и женщин в возрасте 15–30 лет характерно снижение брачности. Факторы её сокращения в этой в возрастной когорте состояли, с одной стороны, в возросшем культурном уровне сельских жителей – молодёжь училась, получала профессию, служила в РККА; а, с другой стороны, определённую роль сыграла законодательная политика государства. В РСФСР 19 ноября 1926 г. был введен Кодекс законов о браке, семье и опеке. Фактические брачные отношения приравнивались к зарегистрированному браку, устанавливался минимальный возраст брачующихся (18 лет), определялись условия регистрации брака, устанавливались равные имущественные права супругов, право на алименты [10]. В 1928 г. была введена в действие X глава Уголовного кодекса, которая определяла различные меры наказания за принуждение к вступлению в брак с лицом, не достигшим брачного возраста.

Данные табл. 2 показывают, что в возрастной группе мужчин 30–49 лет среди сельского населения была почти полная брачность (94–98%), наибольшая брачность у женщин – в возрасте 25–39 лет (77–88%).

Таблица 2

Распределение сельского населения Урала в возрасте 15 лет и старше по состоянию в браке (на 1000 чел. соответствующего пола и возраста) [11; 1, с. 214. 215; 2, с. 32, 33, 160, 161, 330–332]

Возраст, лет	Пол	Уральская	Пермская	Свердловская	Челябинская	Оренбургская		Башкирская		Удмуртская	
		1926 г.	1939 г.	1939 г.	1939 г.	1926 г.	1939 г.	1926 г.	1939 г.	1926 г.	1939 г.
15–19	м	84	45	54	54	80	35	65	37	171	68
	ж	139	118	151	174	156	142	140	146	85	92
20–24	м	676	395	437	481	705	455	566	421	755	430
	ж	723	618	679	716	795	703	756	686	681	571
25–29	м	924	813	848	877	921	869	923	880	945	884
	ж	851	767	814	817	863	843	883	834	851	732
30–39	м	963	938	946	956	968	958	978	968	974	964
	ж	815	787	824	826	833	855	865	851	837	824
40–49	м	960	953	954	962	967	967	978	976	963	960
	ж	726	699	735	709	721	764	748	781	757	749
50–59	м	927	931	921	935	925	944	957	959	907	921
	ж	615	540	551	521	546	565	584	605	670	582
60 и старше	м	712	775	770	778	708	772	800	849	630	699
	ж	379	346	311	298	321	298	339	331	452	387
15 и старше	м	704	722	719	736	711	740	695	749	723	733
	ж	596	579	608	610	609	640	606	633	605	607

Высокий уровень брачности среди населения уральской деревни, особенно в районах с преимущественным развитием сельского хозяйства – Башкирской и Удмуртской АССР, Оренбургской области, определял высокую рождаемость и рост размеров сельских семей (табл. 3).

В конце 1930-х годов на Урале насчитывалось 1870,4 тыс. сельских семей, что составляло 64% от всех семей региона (в административных границах 1939 г.).

По данным переписи 1926 г., средняя величина семьи в Уральской области составляла 4,06 чел., к 1939 г. она выросла до 4,51 чел. (в среднем по Пермской, Свердловской, Челябинской областям), а в среднем по Уралу – до 4,60 чел. Сельские семьи по размерам оказались больше. В среднем на одну сельскую семью приходилось в 1939 г. на Урале 4,65 чел., по СССР – 4,31 чел. (см. табл. 3). Увеличение размеров сельских семей отражало общую тенденцию роста числа детей. Этому процессу способствовали и увеличение продолжительности жизни, и рост числа лиц пожилого возраста, а также снижение уровня младенческой и детской смертности [8, с. 80–89].

Таблица 3

Распределение по величине численности сельских семей Урала в 1939 г. [11]

Величина семьи, чел.	Пермская	Свердловская	Челябинская	Оренбургская	Башкирская	Удмуртская	Урал	СССР*
	459,7	554,6	627,3	369,6	655,1	256,9	2923,1	Нет свед.
	287,2	219,4	364,4	283,6	540,3	184,5	1870,4	
2	23,4	22,1	20,6	16,5	13,2	16,1	18,0	16,8
3	21,8	21,7	21,7	20,2	17,2	18,2	20,0	20,4
4	19,9	20,5	21,5	21,7	20,4	20,0	20,7	21,7
5	15,6	16,1	16,9	18,6	19,6	18,0	17,7	17,8
6	10,2	10,4	10,9	12,3	15,0	13,4	12,3	11,9
7	5,5	5,5	5,4	6,5	8,7	7,9	6,8	6,5
8	2,3	2,4	2,1	2,7	3,9	3,8	3,0	3,0
9	0,8	0,9	0,7	0,9	1,4	1,5	1,0	1,2
10 и более	0,3	0,4	0,3	0,4	0,5	1,0	0,5	0,7
Средняя	4,53	4,59	4,44	4,57	4,85	4,87	4,65	4,31

Таблица 4

Распределение числа глав и членов сельских семей и одиночек на Урале в 1939 г. (постоянное население), тыс. чел. [11]

Пол	Пермская	Свердловская	Челябинская	Оренбургская	Башкирская	Удмуртская	Урал
	Число глав семей						
м	214,9	173,3	287,0	236,4	448,6	149,6	1509,8
ж	63,3	46,2	77,4	47,2	91,7	34,8	360,6
	Число членов семьи, живущих с семьей						
м	282,0	233,0	389,7	325,9	700,6	224,5	2155,7
ж	552,2	433,2	725,2	603,1	1234,7	417,1	3965,0
	Число членов семьи, живущих отдельно от семьи						
м	76,6	52,7	60,6	42,9	85,6	39,0	357,4
ж	47,1	41,8	44,8	23,6	45,0	21,9	224,1
	Число одиночек						
м	9,8	9,2	12,0	9,4	8,7	3,7	52,8
ж	22,9	15,4	20,1	12,7	15,0	7,0	93,2

Размеры семей на Урале в 1939 г. отличались от средних по стране. Удельный вес семей, состоявших их двух и из шести и более членов, в регионе был больше, чем по стране. В то же время доля семей из трёх – пяти человек была меньше. В промышленно развитых областях – Пермской, Челябинской и Свердловской – значительную часть составляли малые сельские семьи из двух –

трёх членов (их доля составляла 42–45%). В автономных республиках и Оренбургской области в деревнях преобладали семьи из четырёх – шести человек. (51–55%). Семей из семи и более членов в уральской деревне имелось 11,3%, почти так же, как и по СССР. Однако в Башкирии и Удмуртии их было больше (14,2–14,5 %). В наиболее урбанизированных и промышленно развитых областях региона число крупных сельских семей, состоявших из 10 и более членов, было меньше, чем в аграрно-промышленных районах. Их 8,9 тыс. таких сельских семей 3 тыс. были в Башкирии и 1,8 тыс. – в Удмуртии.

Материалы переписи 1939 г. показывают, что в составе сельских семей Урала сохранялись существенные внутри региональные различия. Данные табл. 4 свидетельствуют о том, что 80,7% глав сельских семей Урала составляли мужчины (в Башкирии – 83%). Перепись 1939 г. зафиксировала число членов семей, проживавших отдельно. В эту категорию входили учащиеся и студенты, жившие по месту обучения, призванные на срочную военную службу, то есть люди, проживавшие вне семьи, но имевшие с ней общий бюджет или поддерживавшие регулярную материальную связь. В среднем по уральской деревне их доля составляла 6,6%. В промышленно развитых областях этот показатель был выше: в Пермской – 9,8%, Свердловской – 9,4. Большую их часть составляли мужчины (61%).

Начиная с переписи 1939 г., наряду с отдельно жившими от семьи, выделялись одиночки. Ими считались люди, не состоявшие в браке, не имевшие семьи и не поддерживавшие регулярной материальной связи с семьёй. Доля одиноких среди сельского населения Урала была невелика – 1,8%. Однако в индустриальных областях их удельный вес был больше, чем в среднем по региону: в Пермской – 2,6% от всего сельского населения, в Свердловской – 2,4%, в Челябинской – 2,0%.

Приведённые данные показывают, что, несмотря на сокращение сельского населения Урала, изменений в возрастной и половой структурах шёл процесс увеличения размеров сельских семей. Индустриализация и коллективизация сами по себе не являлись причиной разрушения традиционной семьи, миграция в города, урбанизация не разрушали традиционные семейные связи, тем не менее в промышленно развитых территориях региона фиксировался переход к малодетным семьям в деревне.

Библиографический список

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. III. С. 214–215.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. IV. С. 32–33, 160–161, 330, 332.
3. Журавлева В.А. Городское население Урала в 1920–1930-е гг. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2012. 219 с.
4. Журавлева В.А. Динамика численности городского населения Урала в 20–30-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки», вып. 4. 2005. № 7 (47). С. 47–51.
5. Журавлева В.А. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20–30-е годы XX века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки», вып. 7. 2006. № 17 (72). С. 33–37.
6. Журавлева В.А. Итоги переписи населения Магнитогорска 1931 г. // Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: Сб. мат-лов

IV Уральского демографического форума с международным участием. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2013. С. 257–262.

7. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. №2. С. 48–57.

8. Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. №3 (44). С. 80–89.

9. Павлова О.В. Миграция населения на Урале в 1914–1939 гг.: автореф. ... кандидат исторических наук Екатеринбург, 2004.

10. Постановление ВЦИК «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // www.lawrussia.ru/texts/legal_861/doc861a657x504.htm. Дата обращения 10.05.2014.

11. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 306, 323, 331, 334, 336, 350.

12. Тараканов М.Ю. Население Нижнего Тагила в конце XIX – первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. №1 (18). С. 26–29.

13. Чащин А.В. Городское население Урала во второй половине 1920–1930-х гг. (историко-демографический анализ) // Вестник СамГУ. 2010. №5 (79). С. 116–121.

14. Kessler G. The passport system and state control over population in the Soviet Union, 1932–1940 // *Cahiers du Monde russe*, 42/2–3–4, Avril–decembre 2001, pp. 477–504.

15. Kessler G. The peasant and the Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–40. Ph-D-thesis. European University Institute, Florence, 2001.

© Корнилов Г.Е., 2014. Текст.

Информация об авторе

Корнилов Геннадий Егорович (г. Екатеринбург, Россия) – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (620137, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: genakorn@mail.ru).

Kornilov G.E.

TRANSFORMATION OF DEMOGRAPHIC STRUCTURES IN THE URALS VILLAGE IN THE 1920–1930S

***Abstract:** The article on the basis of 1926 and 1939 the USSR censuses analyzes the processes of transformation in the demographic structure of the Urals village. Changes have occurred not only in number of the rural population of the region, but also in the age and sex, marital and family structures that affected the reproduction of the population. The factors that caused the change are revealed. Despite the overwhelming number of rural families in the Urals, in the industrialized areas transition to small families is established.*

Keywords: rural population, demographic structures, sex and age composition, marital structure, family structure.

Information about the author

Kornilov Gennady Egorovich (Russia, Yekaterinburg) – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archaeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620137, Russia; e-mail: genakorn@mail.ru).